

13. Букшпан А. Азербайджанские курды. Заметки. – Баку, 1932. – С. 10–11.
14. Мелик-Шахназаров А. Кто и когда аннексировал сухопутный коридор между Нагорным Карабахом и Арменией // Республика Армения. – 1992. – 5 июня.
15. Худадов В. Современный Азербайджан // Новый Восток. – 1926. – № 3. – С. 181.
16. Нагорный Карабах за годы советской власти / Краткий статистический сборник. – Степанакерт, 1969. – С. 7.
17. Всесоюзная перепись населения Закавказской СФСР 1926 г. – М.: Издательство ЦСУ СССР, 1929. – Т. 14. – С. 53.
18. Известия Аз. ЦСУ. – 1922. – № 2 (4). – С. 100.
19. Нагорный Карабах в 1918–1923 гг. Сборник документов и материалов. Ереван: Изд. АН Армении, 1992. – С. 472.
20. Сельскохозяйственная перепись населения АзССР 1921 г. Известия Аз. ЦСУ. – 1923. – №1 (7). – С. 47.
21. Волкова Н.Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. / Кавказский этнографический сборник. – М., 1969. – Т. IV. – С. 10.
22. Архив Русской революции. М.: TERRA-Политиздат, 1991. – Т. 9–10. – С. 115, 139.
23. Большая Советская Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. – 1978. – Т. 29. – С. 523.
24. Саркисян М. Из истории градостроительства Шуши. Армянский Центр стратегических и национальных исследований. – Ереван, 1996. – С. 30.
25. Мелик-Шахназаров З. Записки карабахского солдата. – М.: Шварц. – 1995. – С. 48–49.
26. Вестник архивов Армении. – Ереван, 1985. – № 1. – С. 112.
27. Арутюнян К.А. Участие армянского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945 гг.). – Ереван, 2004. – С. 18, 830–842.
28. Бабаян Д. Проблема водной безопасности Республики Армения и Арцаха в контексте урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. / Освобожденная территория Армении и урегулирование карабахского конфликта. / Сборник статей и материалов. – Ереван, 2006. – С. 173.
29. Абрамян Ш. Ошиблись – исправим // Советский Карабах. – 1988. – 7 июля.
30. Дадаян С., Ханян С. Истина превыше всего // Советский Карабах. – 1989. – 23 мая.

Поступила 19.04.2010 г.

УДК 008.009:39

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

С.А. Песоцкая

Томский политехнический университет
E-mail: swetla62@tpu.ru

Национальный тип духовности рассматривается в качестве метапризнака своеобразия русской культуры. Как ключевые черты в структуре русского психотипа выделяются духовный максимализм, проявляющийся в беспокойстве духа, неудовлетворенности прозой обыденного существования, бескорыстие – отказ от выгоды как нравственно-этический эталон поведения. Устойчивость и воспроизводимость этих характеристик в исторической жизни русских подтверждается текстами художественной литературы XIX–XX вв.

Ключевые слова:

Базовые характеристики культуры, национальный тип духовности, архетипический, структура психотипа, инвариант, духовный максимализм, неудовлетворенность прозой обыденного существования, бескорыстие.

Key words:

Basic cultural characteristics, national type of spirituality, archetypal, structure of psychic-emotional types, invariant, spiritual maximalism, dissatisfaction with prosaic everyday life, unselfishness.

К числу базовых характеристик культуры зарубежные исследователи процессов развития и функционирования культуры Э. Холл и Г. Хофстед относили особенности восприятия категорий времени и пространства (и их использование в социальной практике), степень выраженности контекстуальности, скорость распространения информационных потоков, степень выраженности индивидуализма или коллективизма, «мужской» или «женский» характер культуры (маскулинность/феминность), иерархическую дистанцию в отношениях между людьми, избегание неопределенности [1. С. 234–250].

Национальный тип духовности с присущим ему особым характером ценностно-смысловых ориентаций и включающий эмоциональные предпочтения не рассматривался учеными в качестве базовой характеристики культуры – в силу того, что, являясь сложно организованной системой, он выступает в качестве метапризнака национально-культурного своеобразия, так как может включать другие характеристики культуры в качестве своего содержательного наполнения. Таким образом, в структуре или морфологии культуры национальный тип духовности не является равноположенным, то есть

находящимся на одном иерархическом уровне с другими характеристиками культуры. Между тем, именно национальный тип духовности имеет фундаментальное значение для постижения специфики национальных (локальных) культур и признания самого факта культурного многообразия. При этом категория духовности в современном культурологическом знании до сих пор является предметом острых теоретических дискуссий.

Материалы учебников по теории культуры позволяют выделить некий информационный субстрат, отражающий смысловое ядро национальной духовности как понятия. Так, опираясь на труды исследователей культуры, можно заключить, что духовность является квинтэссенцией культуры и духовных ценностей, которые находятся в прямой зависимости от нее [2. С. 24]. Если понимать духовность с религиозных позиций, она означает присутствие Бога в душе человека (Дух есть Бог). Этой точки зрения придерживались русские религиозно ориентированные философы В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин и другие. Одна из светских версий интерпретации категории духовности связывает понимание ее феномена с проявлением внутренней свободы личности, которая включает высшие идеалы добра, красоты, истины, веры. Другая версия интерпретации данной категории, также светская по своему происхождению, сводит духовность к внутреннему миру человека – его устремлениям, восприятию и осмыслению своих и чужих действий, их оценкам, то есть к миру субъективности [2. С. 24].

Поскольку мир конкретного человека далек от идеальных форм, в нем в нерасторжимом единстве сосуществуют положительное и отрицательное, низкое и высокое, прекрасное и безобразное, моральное и аморальное, эротическое и аскетическое, и духовный мир человека может представлять собой борьбу противоречий, даже взаимоисключающих начал. Но в любом случае духовность предполагает большую или меньшую интенсивность переживаний, работы духа, мыслей, чувств, то есть предполагает «некую внутреннюю энергетику, активное начало» [2. С. 25], которое может быть направлено и вовнутрь человека, и вовне. В первом случае речь идет о работе человека над собственным внутренним миром, и можно говорить о центростремительном векторе духовности; во втором случае имеет место преобразование личностью социума, внешней среды, и вектор духовности можно назвать центробежным [2. С. 25].

Исходя из того, что духовность вмещает в себя как сознательное, так и бессознательное начала, ученые ввели понятие «духовного кода» как отражающего этот синтез. Духовный код включает в себя культурную память, связь с близкими и далекими предками больше по духу, чем по крови. Культурность и воспитанность человека рассматриваются как предтечи формирования духовности. В высшем смысле духовность понимается как устремленность к добру, истине, красоте [2. С. 29].

Внутри любого национального типа духовности можно выделить несколько ключевых черт. К ним относятся, в том числе, и черты эмоционально-психического склада или психотипа. Одной из черт русского национального психотипа, которую можно считать архетипической, является беспокойство духа, неудовлетворенность прозой обыденного существования. Поскольку эта психо-эмоциональная особенность обладает исторической устойчивостью, то есть способностью к воспроизводству в новых социокультурных условиях, ее можно считать константой или инвариантом в структуре национального психотипа. В русской культуре художественного слова мы видим, как эта черта всякий раз обретает новые формы своего существования. *«Я повез туда (в Европу – примечание автора статьи, С.П.) мою русскую тоску»*, – говорит Версиков, герой романа Ф.М. Достоевского «Подросток» (1875 г.). Вариантами духовного беспокойства русского человека в современной литературе можно считать поведение героев В.М. Шукшина – попа и Максима из рассказа «Верую!», 1971 г., Семки Рыси из рассказа «Мастер», 1969–1971 гг., Алеши Бесконвойного из одноименного рассказа, 1972–1973 гг., Мони Квасова из рассказа «Упорный», 1972–1973 гг., – Василия Михайловича из рассказа Т.Н. Толстой «Круг» (1980-е г.) и других персонажей.

Причинами, порождающими беспокойство духа русского человека, являются максимализм, устремленность к Тайне и Загадке Жизни, Красоте и Совершенству, которые, в свою очередь, питаются природной любознательностью пытливого ума, нравственной чуткостью и эстетической восприимчивостью и объясняют порыв и прорыв из мира узкого и мещанского, плотского и плоского в мир фантазии, иррационального бытия.

В одноименных рассказах «Круг» В.Д. Набокова (1936 г.) и Т.Н. Толстой (1980-е гг.) изображается духовная экзистенция человека в кругу времени и жизненных обстоятельств. Оба писателя рисуют круг жизни главного персонажа. Однако в изображении В.Д. Набокова время бессильно над человеком, который остается верен себе, своим чувствам и впечатлениям, испытанным много лет назад. У Т.Н. Толстой круг жизни изображается как клетка обстоятельств, в которой время всеильно: *«В шестьдесят-то лет шуба тяжела, ступени круты, а сердце днем и ночью с тобой. Шел себе и шел, с горки на горку, мимо сияющих озер, мимо светлых островов, над головой – белые птицы, под ногами – пестрые змеи, а пришел вот сюда, а очутился вот здесь; сумрачно тут и глухо, и воротник душит, и хрипло ходит кровь. Здесь – шестьдесят»*.

Все это, все уже. Трава тут не растет. Земля промерзла, дорога узка и камениста, а впереди светится только одна надпись: выход.

И Василий Михайлович был не согласен» [3. С. 53].

«Ну и что? – сердито думал Максим (из рассказа Шукшина «Верую! – примечание автора книги, С.П.). – Так же было сто лет назад. Что нового-то?»

И всегда так будет. Вон парнишка идет, Ваньки Малюфеева сын... А я помню самого Ваньку, когда он вот такой же ходил, и сам я такой был. Потом у этих — свои такие же будут. А у тех свои... И все? А зачем?» *Совсем тошно стало Максиму»* [4. С. 224].

Клетка обстоятельств подавляет стихийный порыв человека к тайне жизни, к постижению ее загадки, которые, увы, не дарит ему судьба: «*Ничего не происходило. Не являлся Василию Михайловичу ни шестикрылый серафим, ни другое пернатое с предложение сверхъестественных услуг, ничего не разверзлось, не слышался глас с неба, никто не искушал, не возносил, не расстилал. Трехмерность бытия, финал которого все приближался, душила Василия Михайловича, он пытался сойти с рельсов, провертеть дырочку в небосклоне, уйти в нарисованную дверь»* [3. С. 55–56]. Или: «*Василий Михайлович <...> понял, что попытка вырваться из системы координат не удалась. Не новый, небывалый путь с захватывающими дух возможностями открывался ему, не тайная тропинка в запредельное, нет; он попросту нашарил впотьмах и ухватил обычное очередное колесо судьбы и, перехватывая обод обеими руками, по дуге, по кругу добрался бы, в конце концов, до себя самого — с другой стороны»* [3. С. 56–57].

Можно предположить, что именно фатализм как особенность миропонимания русского человека и, с другой стороны, желание вырваться из жестких рук Неизбежности устремляют его сознание то в прошлое, то в будущее.

Русский человек не может и не хочет довольствоваться обычной, заурядной повседневностью и всегда стремится открыть в ней нечто большее. Являясь общенациональной, архетипической, эта черта объединяет, казалось бы, разнородные по сути и принадлежности к историческому времени явления — от поэтов-символистов, жаждающих Неземного и Запредельного, ищущих Вечную Женственность, до простых русских мужиков В.М. Шукшина с их желанием найти в привычной жизни еще нечто, кроме скучной обыденности, как, например, герой рассказа «Микроскоп». «Андрей Ерин, столяр маленькой мастерской при «Заготзерне», что в девяти километрах от села», озадачен проблемой, как удлинить жизнь человеку, убив всех микробов: «*<...> человеку положено жить сто пятьдесят лет. Спрашивается, почему же он шестьдесят, от силы семьдесят — и протянул ноги? Микробы! Они, сволочи, укорачивают век человеку. Пролезают в организм, и, как только он чуток ослабеет, они берут верх»* [4. С. 103]. Двадцатипятилетний совхозный шофер Моня Квасов из рассказа «Упорный» бьется над созданием вечного двигателя. Когда чертеж готов, какой желанной и дорогой сделалась для него жизнь! Труднее всего герою рассказа смириться с признанием непреложности и очевидности законов физики, того факта, что колесо, которое он спроектировал, **не должно** вертеться. Описывая состояние сознания героя, В.М. Шукшин не случайно выделяет это слово жирным шрифтом.

Законы логики и очевидного здравого смысла вызывают у героя такой же протест, как у подпольного повествователя Ф.М. Достоевского философская категория Необходимости, выраженная словом-символом Стена, обозначающим нечто непреодолимое для человека — необходимость подчинения всеобщим объективным законам, которые нельзя изменить, необходимость признания детерминированного мира, царства обязательной для всего сущего причинности или, выражаясь языком «Признаний» Г. Гейне, необходимость подчинения «старой деве со свинцовыми руками и печальным сердцем — Необходимости». Изображая сознание и поведение своего героя, В.М. Шукшин воспроизводит архетипическую черту русского человека. Вслед за повествователем «Записок из подполья», взбунтовавшимся против философского рационализма Просвещения, худо-бедно «переваренного» гегельянством, Моня Квасов протестует против очевидных законов физики и просто логики («*<...> в логике <...> всегда тоска»*, — рассуждал Версиков в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»). Отправив в контору записку о том, что нездоров, Моня всю ночь с увлечением мастерит двигатель и, убедившись, что колесо останавливается, *медленно уходит «куда-нибудь», «с пустой душой»*.

Забулдыга и непревзойденный столяр Семка Рысь из рассказа «Мастер», «*обеспокоенный красотой и тайной»*, задумал реставрировать церковь конца XVII в., чтобы спасти «такую красоту», которая «*будет стоять еще триста лет и радовать глаз и душу»*. Побывав и у отца Герасима, и у митрополита, и у Председателя Облсполкома, везде получив отказ в помощи по восстановлению церкви, Семка больше «*никогда не ходил к ней, а если случалось ехать таличкой дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, курил и молчал. Люди заметили это, и никто не решался заговорить с ним в это время»* [4. С. 238].

Беспокойные русские люди представляют особый национальный тип — человека странного, выламывающегося из колеи привычной жизни, не желающего жить по общим законам, эдакого «чудика», выражаясь языком одноименного рассказа В.М. Шукшина. Так, Алеша Бесконвойный, не смотря на непонимание и насмешки окружающих, упрямо отстаивает право на свою странность — по субботам не работать и заниматься только тем, что топить баню и мыться, доведя эти занятия до уровня в своем роде искусства, в котором он находит источник жизненной радости.

Понятие о жизни представителей этого национального психотипа часто выходит за пределы здравого смысла и очевидной выгоды. «*У тебя же золотые руки!»* — говорят односельчане Семке Рыси из рассказа В.М. Шукшина «Мастер». «*Ты бы мог знаешь как жить!.. Ты бы как сыр в масле катался... — А я не хочу как сыр в масле. Слизко»*, — отвечает Семка.

Отсутствие стремления к выгоде может быть свойственно русским людям, представляющим

другую эпоху и субкультуру, имеющим иной уровень интеллектуального развития, социальный опыт и нравственный масштаб личности, может быть мотивировано иными причинами. Но бескорыстие, и само по себе, и как проявление исключительно абстрактного интереса к чему бы то ни было, без прагматического стремления извлечь из этого интереса определенную выгоду, остается архетипической чертой в русском психотипе и – шире – типе духовности, поскольку оно зафиксировано и в более ранних культурных текстах: «У них (европейцев – примечание мое, С.П.) теперь другие мысли и другие чувства <...> ... Там консерватор всего только борется за существование; да и петролейщик (взрыватель, революционер; образовано от слова петролит – взрывчатое вещество, продукт переработки нефти – примечание С.П.) лезет лишь из-за права на кусок. Одна Россия живет не для себя, а для мысли <...> вот уже почти столетие, как Россия живет решительно не для себя, а для одной лишь Европы», – рассуждает Версилов в своей исповеди в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» [5. С. 377].

Духовный максимализм объясняет и присущую русскому человеку необъяснимую тоску, – «особенную», «нутряную, едкую», от которой впору «рвать на груди рубаху и плакать, и скрипеть зубами» [4. С. 229], и переизбыток душевных сил, которые некуда деть – из-за неблагоприятных социальных

условий. Семка Рысь говорит, что ему «остолбенело все на свете», и «транжирит свои «лошадиные силы» на что угодно – поорать, позубоскалить, нашкодить где-нибудь <...>» [4. С. 230]. Максим из рассказа «Верую!» «никак не мог изломать себя на работе, хоть работал много» [4. С. 222].

Причину неизбывной тоски русского человека объясняет поп – герой-идеолог из рассказа «Мастер»: «<...> хочу верить в вечное добро, в вечную справедливость, в вечную Высшую силу, которая все это затеяла на земле. Я хочу познать эту силу и хочу надеяться, что сила эта – победит. Иначе – для чего все? А?» [4. С. 225–226]. Но русские люди не знают, где такая сила. И тот факт, что *тошно и душа болит* – следствие этого незнания.

Не смотря на вымысел, лежащий в основе событийной ткани произведений художественной литературы, в силу ряда причин их можно успешно использовать как иллюстрации базовых характеристик культуры: словесный художественный образ является универсальным средством постижения и отражения действительности; с помощью художественного изображения типических характеров в типических обстоятельствах создатели произведений художественной литературы обобщают закономерности жизни, доносят квинтэссенцию жизненного опыта народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации. – М.: Юнити, 2002. – 352 с.
2. Оганов А.А., Хангельдиева И.Г. Теория культуры. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 384 с.
3. Толстая Т.Н. Любишь – не любишь: Рассказы / предисл. Вл. Новикова. – М.: Оникс, ОЛМА-ПРЕСС, 1997. – 384 с.
4. Шукшин В. Рассказы / Сост. Л. Федосеева-Шукшина. – М.: Худож. лит-ра, 1979. – 383 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 13. Подросток. – Л.: Наука, 1976. – 455 с.

Поступила 25.03.2010 г.